

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

О формах повествовательно-речевого приспособления текста в системе пословного перевода в России XVII в.

(на материалах первого перевода басен Эзопа)

Переведенные в 1607 г. Ф. К. Гозвинским «Притчи или баснословие Эзопа Фриги» обладают всеми признаками пословной передачи оригинала — текста так называемой Аккурсианы, как он представлен во множестве европейских изданий XVI в. Пословная, как бы прямая и непосредственная передача греческого текста — это профессиональная норма перевода, которой Гозвинский обыкновенно и следует, пока и поскольку она не приходит в противоречие с повествовательными традициями славяно-русской речи.¹ Однако не все, что эквивалентно укладывается в структуру изолированно переводимого предложения, допускается речевой организацией более широкого контекста. И сличение текста «Притчей Эзопа Фриги» и Аккурсианы то и дело доставляет примеры подчинения перевода более гибким принципам там, где дословное следование греческому источнику оказалось бы в противоречии со структурой повествовательного целого. Не отступая от пословной передачи оригинала, Гозвинский вместе с тем регулярно вводит в текст перевода лексические единицы, которые не находят формального соответствия в греческом тексте, хотя и остаются в пределах семантической с ним равномерности. Значительная доля таких включений связана с неодинаковой интенсивностью и формами субъектных, объектных и локально-обстоятельственных характеристик действия, нормально присущих славяно-русской речи, и мерою тех же указаний в тексте Аккурсианы. Здесь соотношение норм греческого и славяно-русского текстов совершенно разнонаправленно. Приведу, пожалуй, наиболее концентрированный пример тому в басне «О льве и лисице», лексически знаменательный объем которой в переводе возрастает почти в полтора раза:²

147. λέων καὶ ἀλώπηξ. λέων γηράσας καὶ μὴ δυνάμενος

133. О лве и о лисице. Лев состаревся и не могий исходити

¹ См.: Р. Б. Тарковский. О системе пословного перевода в России XVII в. — ГОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 243—256.

² Источники текста Гозвинского — списки первой редакции перевода, из которых здесь цитируются: ГПБ, собр. Погодина, № 1964 (индексом не отмечается); ГПБ, Q.XVII.272 (далее — Q) и ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229 (далее — T'). Лексические искажения и пропуски исправляются по другим спискам той же первой редакции. Восстанавливаемый текст заключается в квадратные скобки. Цифры перед цитатами означают нумерацию басен в полном тексте перевода Гозвинского.

Греческий текст Аккурсианы и нумерация его басен даны по изд.: A. N a u s s e r a t h. Corpus fabularum Aesopicarum, vol. I, fasc. 1—2 (cod. III—α). Lipsiae, 1957—1958.

διαρκέσαι αὐτῷ εἰς τροφήν ἔγνω δι' ἐπινοίας τι πράξει.
 на ловитву собирати себе пищи, помыслив разуме сице сотворити
 καὶ δὴ παραγενόμενος ἐν σπηλαίῳ τινὶ κατακλιθεὶς προσεποιεῖτο νοσεῖν.
 себе. И пришед в некую пещеру сотвори себе больна
 παραγενόμενα οὖν τὰ ζῷα ἐπισκέψεως χάριν συλλαμβάνων κατήσθιεν
 и ляже. И приходящая животная на посещение поймав снадеше.
 αὐτά. πολλῶν οὖν ζῶων ἀναλωθέντων ἄλωπιξ
 И многим животным сице погибшим. Лисица коварственную
 τὸ τέχνασμα τοῦτο γνοῦσα παραγένετο πρὸς αὐτὸν καὶ
 хитрость лвову познавши, прииде к нему на посещение и
 σταῖα ἔξωθεν τοῦ σπηλαίου ἐπυνθάνετο, πῶς
 ста извне от пещеры далече, вопросы лва о здравии: како
 ἔχει. τοῦ δὲ εἰπόντος «κακῶς» καὶ τὴν αἰτίαν
 пребывает? Лев же рече: «Зле», — и вины лва у лисицы
 πυνθανομένου δι' ἧν οὐκ εἰσέρχεται,
 вопросы, чесо ради к нему лисица в пещеру не вниде?
 ἢ ἄλωπιξ ἔφη· «ὅτι ὁρῶ ἔχρη πολλῶν
 Лисица же рече: «Яко зрю убо следы многих к тебе в пещеру
 εἰσιόντων, ὀλίγων δὲ ἐξιόντων».
 входящих, не многих же от тебе из пещеры исходящих».

Конечно, отступления от пословной симметрии оригиналу могли по-рождаться и просто отсутствием лексических эквивалентов, но такие случаи не составляют значительных групп или вообще окказиональны. Отступления же от греческого текста в сфере повествовательно-речевого приспособления перевода — регулярные, массовые, сквозные, — и этой стороной «Притчи Езопа Фриги» обращены уже к традициям славяно-русской письменности. Однако сколь бы значительными такие отступления ни казались, они выстраиваются по канве пословно переданного, ни в чем не уцеленного текста-источника.

1. Перевод греческих местоимений прямыми именами персонажей и реалий

В границах сколько-нибудь пространного, но семантически единого греческого контекста вслед за номинативно представленными персонажами, реалиями и обстоятельствами необходимые затем упоминания о них обыкновенно передаются местоимениями. И такие пучки перемежающихся репрезентативных указаний нередко отстоят от своих опорных лексем на несколько повествовательных кадров.

В русском тексте пределы повествовательно-синтагматического притяжения имени несравненно уже, и возможности местоименной репрезентации простираются, как правило, не далее первой перемены субъектов или изменения ситуации — и вообще кадров иной субъектной отнесенности.³ В противном случае местоимения, ясно ориентированные в пределах ближайшего контекста, потеряют свои смысловые контакты в цепи большего протяжения, не говоря уже о том, что повторение либо нагнет-

³ «В русском языке... малейший перебой повествования заставляет заново соотносить субстанцию с ситуацией, что делает необходимым прямой способ ее обозначения» (В. Г. Г а к, Е. Б. Р о й з е н б л и т. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, с. 36).

тание местоимений вообще противопоставлено нейтрально развернутому русскому тексту.

Этому различию языков — сознательно ли или стихийно — подчиняет и свой пословный перевод Гозвинский. Без каких-либо исключений прямым, номинативным обозначениям греческого текста соответствует прямая номинация и в славяно-русском. Однако местоименная репрезентация греческого текста в значительной части — 88 раз — заменена в переводе существительными и выправлена на прямую, директную.

Ограничусь примером одной басни:

105. О гаче, сиречь о нетопыре, и кошке (νοκτερίς καὶ γαλῆ — 182).

Нетопырь (νοκτερίς) из землю падше, котом (ὕπὸ γαλῆς) пойман бысть, и хотяща погубитися, прощения просяще. Кот же рече (τῆς δὲ φαμῆνης), яко [не] может нетопыря (αὐτῆν) отпустить, поне естеством всем птицам воюет и сопротивляется. Нетопырь глаголаше (αὐτῆ ἔλεγεν), яко не птица, но мышь есть, — и тако отпустися.

Последи же паки упадше и от иные кошки (ὄφ'... γαλῆς) поймася и молися, да не снесет ея. Кошка же отвещав рече (τῆς δὲ εἰπούσης), яко всем враждует мышам. Нетопырь же (αὐτῆ) рече, яко не мышь, но нетопырь, глаголаше, быти, — и паки отпустися. И тако случися ему (αὐτῆν) дважды прменяючи имя, свобождение получитьи. — Q.

Естественно, что непосредственные причины перевода греческих местоимений опорными существительными в славяно-русском всякий раз кроются в повествовательной организации включающего их контекста. Так, сокращение числа репрезентантов обязательно, когда в греческом тексте рядом следуют два или три местоименных указания на один и тот же семантический источник:

96. Зевес созда человеки и убо вся состави обычая и нравы им вложи, единого же точию стыда, [сиречь срама] (τὴν αἰσχύνην — 111) вложить в них позабысть; ради сего поне [не] име, откуда срам (αὐτῆν) ввести, повеле сраму (αὐτῆν) сквозе народу проити. И убо срам (ἡ) сопротив глаголаше, недостойная от них претерпети...

Прямая номинация избирается переводчиком и тогда, когда в греческом тексте в ближайшем соседстве сталкиваются местоименные указания на разных персонажей; тут прямое обозначение непременно если не для обоих, то, во всяком случае, для одного из них:

91. Ворона Афине-богине жертву приношающе и пса на обедование призываше. Пес же к ней (ὁ δὲ πρὸς αὐτῆν — 129) рече...

109. Осел одеяся лвовой кожею, прехождаше и иная животная утрашивая. И узрев лисицу, покусяся и сию (αὐτῆν — 199) утрашити. Лисице же (ἡ δὲ) случися прежде сего слышати его (αὐτοῦ) ржуца, ко ослу (πρὸς αὐτόν) рече...

Однако наиболее постоянной причиной устранения репрезентации была альтернатива синтаксических субъектов — переключение фабульного внимания с одного персонажа на другой. И этот переход отмечается прямым, опорным обозначением стоящего в центре данного кадра персонажа, что к тому же подчеркивается противительно-соединительными «же», «убо» (греч.: δὲ, μὲν):

57. Черепаша орла (χελώνη ἀετοῦ — 259) моляше, дабы он летати ю (αὐτῆν) научил. Орлу же (τοῦ δὲ) сказующу, далече сему быти от естества ея (αὐτῆς).

Лексической формой устранения репрезентации обыкновенно оказывалось повторение опорных существительных без какого-либо синонимического или экспрессивного их варьирования. Но иногда местоимения заменялись не именами существительными, а при-

тяжательными прилагательными, во «внутренней форме» которых и дана прямая отнесенность к басенному персонажу:

139. Волку в шею кость увязне, жеравлю мьзду дати обеща, аще главу свою вложит и кость из шеи волчьи (ἐκ τοῦ λαίμοῦ αὐτοῦ — E. Chambri. *Ésope Fables*. Paris, 1927, — № 225 с) извлечет.

Подчас же, не устраняя изначальных местоимений оригинала, перевод лишь отодвигает их на более скромные позиции выделительных определенных к интерполируемым тут же существительным (реже — субстантивированным прилагательным или причастиям):

81. О пасеку или во пчелницу некто тать вниде (τις εἰσελθὼν — 74) — Q;

1. Не по мнозех же днех последи нецыи человецы (τινων — 1) козу на жертву богом жроша.

Сходным образом и субстантивированные прилагательные греческого текста в переводе могли оттесняться на роль определения при интерполируемых существительных в славяно-русском:

26. Лисица же рече: «Облезяна! сицвоее ты буйство и безумие имея, безсловезными зверми (τῶν ἀλόγων — 83) царствовать восхоте!» — Q.

Что же касается повествовательного содержания замен, то более 9/10 устраненных репрезентантов приходится на упоминания басенных персонажей и всего лишь 7 раз (из 88) на объектные и пространственные указания греческого текста. Причины столь резкой диспропорции — в лаконизме басенного рассказа Аккурсианы, его сосредоточенности только на действиях персонажей и как следствие глагольной насыщенности текста при полном освобождении фабулы от какой-либо ситуативной детализации.

От композиционного динамизма Аккурсианы — и синтагматическое распределение замен: размещение их на стыке кадров с сменяющимися субъектами действия и, реже, адресатами и объектами этого действия. Отсюда преобладание среди замен именительного падежа подлежащего (36%) и чрезвычайно высокая доля дательного — как в оборотах с дательным самостоятельным, так и дательного адресата (25%).

Таким образом, широкой местоименной репрезентации греческого текста его послонный перевод противостоит прямыми способами обозначения в славяно-русском. И эта направленность перемен — регулярная и единственная, без каких-либо встречных исключений. Разумеется, ни какой-либо новой информации и ни малейших отступлений от смысла оригинала подобные перемены не содержат. Они регулярно следуют нормам организации русского повествовательного текста.⁴ Их эффект — целиком в области речи и в этом сходен со столь же многочисленными включениями объектных указаний на предметы и реалии, появляющихся, однако, не взамен местоименных обозначений греческого текста, а как новые, уже асимметричные греческому оригиналу внесения от переводчика.

2. Повышение нормы лексических указаний на персонажей и повествовательно-синтаксическая расчлененность текста

Замена косвенных обозначений прямыми, ближайше связанная со смысловым прояснением в переводе местоименной сетки греческого текста, вместе с тем служила и внутренней автономизации соответствующих

⁴ «В целом для обозначения субстанции... русский язык предпочитает автономные единицы, предметная отнесенность которых устанавливается в рамках данного предложения» (В. Г. Г а к, Е. Б. Р о й з е н б л и т. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков, с. 36).

предикативно-фразовых ячеек в структуре повествования и как следствие вела к большему композиционно-синтаксическому членению рассказа. Это особенно ощутимо, когда замена местоименных обозначений существительными приходится на выражение подлежащего. И все же главным инструментом композиционно-синтаксической расчлененности повествования в переводе была не перемена местоимений на существительные, а дополнительное, сверх указаний оригинала, интерполирование существительных и форма их синтаксического включения.

Тематически — это имена персонажей. Конструктивно — именной падеж подлежащего. Интерполируемые в цепочки личных глаголов и предикативных причастий, они прежде всего и членят эти цепочки на ряд самостоятельных кадров. И если замена греческих местоимений именами существительными всего лишь оттеняла контуры уже существующего синтаксического членения, заданного оригиналом, то внесение дополнительных существительных-подлежащих создавало новое, более четкое композиционное членение текста.

Конечно, каждое из таких включений всякий раз шло и от каких-то частных стилистических факторов организации и интонирования фразы или всего рассказа — импульсов во многом субъективных. Но это не лишает их общей обусловленности речевыми нормами славяно-русских литературно-письменных традиций. В остальном же и перевод греческих местоимений существительными и интерполирование существительных-подлежащих там, где их не было в греческом тексте, служили большей расчлененности изложения, что естественно проиллюстрировать законченным текстом:

180. υοσῶν καὶ ἰατρός. υοσῶν τις καὶ ὑπὸ τοῦ ἰατροῦ
39. О болящем и о враче. Болящий некто от врача
ἐρωτούμενος, ὅπως διατηρήθῃ, πλέον εἶπε
вопрошен быть: како пребыть? Болящий же рече, яко зело
τοῦ δέοντος ἰδρωκένας. ὁ δὲ ἀγαθὸν ἔφη τοῦτ' εἶναι.
над подобающее потех. Врач же рече: добро се быти.
ἐκ δευτέρου δε παρ' αὐτοῦ πάλιν ἐρωτηθεὶς, ὅπως ἔσχε,
Посем паки второе вопросы, како пребыть?
φρίκη συσχεθεὶς εἶπε σφοδρῶς
Болящий же рече: дрожанием многим содержим
διατετινάχθαι. ὁ δὲ καὶ τοῦτ' ἀγαθὸν ἔφησεν εἶναι.
и дряхлостию мучим. Врач же и се бысть добро рече.
ἐκ δὲ τρίτων αὐθις ἐρωτηθεὶς ὅπως διεγένετο, εἶπεν ὑδέρην
В третье же вопросы болящего, како пребыть, — рече: внутреннюю
περιπεπτοκένας. ὁ δὲ καὶ τοῦτο πάλιν ἀγαθὸν εἶπεν εἶναι.
огневую впаде. Он же и сие паки добро рече быти.
εἶτα τῶν οἰκείων τινός αὐτὸν ἐρωτήσαντος, ὅπως ἔχεις,
Посем же от своих домашних некто [сего] вопросы: «Како ся имаши?»
«ἐγώ», εἶπεν, «ὑπ' τῶν ἀγαθῶν ἀπόλλυμαι».
Болящий же рече: «От благих своих погибаю».

Архитектоника рассказа и в оригинале и в переводе логически прочерчена и геометрична. Нарастание конфликта трижды отмечается жалобами на все более тяжкий недуг при неизменно тех же успокаивающих заключениях эскулапа. Трехчленная ступенчатая градация обрывается драматической каденцией. Так в греческом тексте, так и в славяно-русском.

Однако ритм повествования и динамизм его в оригинале и в переводе

инные. Семи греческим предложениям соответствуют десять русских (т. е. в полтора раза больше), каждое из которых возникает как фразовое вычленение из сложных конструкций оригинала и организуется уже вокруг самостоятельно выраженного субъекта — «болящего», указания на который трижды включаются переводчиком: «Болящий же рече. . .». Известная роль в этой расчлененности кадров принадлежит также устранению косвенных обозначений: дважды — замене субстантивированного члена «ὁ δὲ» существительным «врач» и один раз, в финале, — личного «ἔγω» как «болящий».

И только на критической вершине рассказа, у самого излома действия, перевод, как и оригинал, сводит в рамках единой синтаксической конструкции обе фабульные партии: все тот же вопрос врача и ответ уже охваченного огневицею пациента.

Но синтаксическая перестройка текста меняет течение рассказа и даже его акценты. Греческий текст сосредоточен прежде всего на возрастающей несообразности ситуации: все более значительных проявлениях недуга и неизменно благодушном диагнозе. Вся синтаксическая организация рассказа и подчинена этому эффекту несообразности.

Русский текст менее собран, но драматичнее. Не говоря уже о замене водянки более острым заболеванием, русский перевод каждый раз не столько выделяет симптомы прогрессирующего недуга, сколько сталкивает состояние «болящего» и тупое равнодушие врачующего. Это смещение сюжетных акцентов и по-новому выдвинутая антитеза возникают из настоятельной прямой номинации персонажей и сопоставляемых тут синтаксических структур — полных, теперь уже независимых предложений: «Болящий рече. . .» и «Врач же рече. . .» — и контрастного их параллелизма.

Таким образом, более частное синтаксическое членение рассказа не лишено и экспрессивно-семантической окраски. Но прежде всего — это речевое приспособление перевода.

Речевая природа интерполяций подтверждается опять-таки их структурным распределением. Из 98 интерполированных указаний на персонажей половина приходится на имена существительные в роли подлежащего (и примыкающие сюда вокативы или иногда дательный самостоятельный), включение которых вызвано чередованием предикатов с различными несовпадающими субъектами. Например:

93. Галка (κολοῦς — 131) в некоем голубнику голуби (περ:στερὰς) виде добропитаемая, убелившись, приде, яко да и сия пици сопричастится. Г о л у б и ж е (αἱ δὲ), донележе молчае галка, мняху ея (αὐτὸν) голубя быти и не возбраняху ей пища. И понеже некогда позабывшися г а л к а и своем естественным гласом посреде их возгласи. . .

Другим типичным условием интерполирования прямых имен персонажей оказывались значительная продолженность цепи глагольных форм и ослабление их соотнесенности со своим отдаленным субъектом-подлежащим:

127. Волопас (βουκόλος — 49) стадо быков пая, погуби тельца. И обшед всю пустыню искаше. И егда ничто же обрести возможе, помолиси Зевесу, аще тельца вземшаго татя ему покажет, козла на жертву принести обещаеся. И пришед в пустыню, обрете льва, снедающаго тельца. Пристрашен убо п а с т ы р ь бысть и зело убояся, вознесе руже свои на небо, [рече]: «О владыко боже! . . .»

Конечно, на подобные добавления Гозвинского наталкивали не только структурные различия между языками, но и предельный лаконизм Аккурсианы, текст которой — это поток почти вплотную следующих предикатов (личных глаголов и предикативных причастий) и очень редких при них словесно обозначенных носителей процесса. Поэтому для повествовательной

ясности пословного русского перевода тут особенно недоставало лексического разграничения каждой перемены субъектов (как и вообще лексической маркировки субъектов), что в русской речи преимущественно выполняют имена существительные, которые и вводятся как подлежащие.

По-иному обусловлено интерполирование имен персонажей в объектных падежных формах. Здесь почти все интерполяции связаны с таким употреблением русских глаголов, когда реализация процесса уже по самому его содержанию невозможна без объекта воздействия, лексическая невыраженность которого воспринималась бы логической либо речевой недостаточностью фразы. Подобные включения были уже конструктивно обязательны:

43. Путешественник многий путь прешед, моляшеса богу Ермису, аще убо обрящет что (τηῦστα, εἰ ἄρα εὕρησει τι — 188) половину сего Ермису (τῷ Ἑρμῇ) на жертву возложить обеща.

Внесения объектных указаний на персонажей ощутимо разнятся и своею лексической формой. Интерполирование субъекта-подлежащего почти безраздельно представлено существительными, местоименные обозначения тут единичны и появляются только в условиях, когда именная форма подлежащего невозможна. Основным же материалом включения объектных указаний на персонажей были личные местоимения в косвенных падежных формах (43 внесения), в ряду которых преобладают формы дательного адресата (19) и винительного прямого объекта (15):

36. Пришед же абие некто к нему, извещеваше ему, яко... (ἐπιστάντος δὲ τινος αἰφνης καὶ ἀπαγγείλαντος, ὡς... — 170);

101. При сем же месте некто живый, и сице творящаго виде, злословяше е го (ἐρέμψετο — 26).

В других падежных формах интерполирование имен персонажей встречается редко, и все они слабоуправляемого характера.

Что же касается повествовательного назначения объектных интерполяций, то они всякий раз как бы фиксируют сценическое место каждого из участников фабульного конфликта и каждую перемену в положении участников этого конфликта.

Повышению нормы выделяющих указаний на персонажей служило также включение в текст притяжательных местоимений, размечающих отнесенность сюжетных реалий или мотивов к тому или иному участнику конфликта. Обычно это пояснения семейно-бытовых, кровных, реже социальных или иных связей и отношений. Но и тут опять-таки преобладают указания на отнесенность к субъекту действия, отмечаемую обыкновенно местоимением «свой» (14 раз), — весьма обязательным в старинных повествовательных жанрах:

1. ...о смерти своих чад скорбляше (ἐπὶ τέκνον ἡνίαθη θανάτῳ — 1), — Q;

8. ...о светлости прородителей своих глаголаше (περὶ τῆς τῶν προγόνων διεξιόντος λαμπρότητος — 20).

Наконец, в единичных случаях интерполируются и притяжательные прилагательные:

104. ...безвласное львово лице (ἄτριχα πρόσωπα — 267) грызый.

3. Внесение объектных и обстоятельственных характеристик действия при конструктивно-речевой недостаточности пословного перевода

Как и другие кодексы прозаической античной басни, Аккурсиана не знает мотивов, замедляющих линейное развертывание сюжета. Фабульные детали здесь сведены до минимума. И перевод Гозвинского не отсту-

пает в этом от оригинала, нигде не обращаясь к подробностям конфликта и обстановки. Вместе с тем это не исключало многочисленных объектных (34) и локально-обстоятельственных (56) включений от переводчика в русском тексте, хотя, казалось бы, именно объектное и обстоятельственное распространение текста особенно чревато осложнениями рассказа и появлением новых повествовательных мотивов. Однако соблюдение семантической равномерности оригиналу и тут не оставляет профессиональной манеры Гозвинского, поскольку такие добавления тоже не выходят за рамки регулярных речевых стереотипов.

а) Включение предметно-объектных характеристик действия

И в тексте Аккурсианы, и в «Притчах Езопа Фриги» нет примера, когда бы повествование задержалось на описании сценической обстановки. И ни одна из предметных реалий, если она не выступает в ранге аллегорического персонажа, как правило, не предстает в тексте «Притчей» тематическим ключом предложения — в форме именительного падежа подлежащего. В подавляющей массе указания на предметные элементы ситуации включаются в рассказ лишь в косвенных, объектно-падежных формах. Это относится и к механизму пословной передачи оригинала, и к переводческим интерполяциям.

Но предметные (а равно и локально-обстоятельственные) указания, идущие от греческого текста, по большей части информативно необходимы и обязательны. Определяющая же черта переводческих добавлений — их принадлежность не так информативно-логическому, сколь конструктивно-речевому плану. Они вводят в перевод лишь те характеристики процесса — его инструментальной приуроченности, материального наполнения или объектного приложения, — отсутствие которых в русском тексте (ограничься Гозвинский пословным копированием оригинала) воспринималось бы не смысловой, а конструктивной недостаточностью русской фразы. Какой-либо новой информации, а следовательно и новых повествовательных мотивов, такие интерполяции не содержат. Однако отказ от них воспринимался бы как нечто стилистически инородное в цепи полностью развернутых структур письменной книжной речи:⁵

78. Земледелец некто копая землю, злато обрете (*γεωργός τις σκάπτων χρυσίον περιέτωρε* — 61);

87. Волку же вострубившу и завывшу, и козлу пляшущу, пси же услышавше глас волчий, волка гоняху (*οἱ κύνες ἀκούσαντες τὸν λύκον ἐδίωκον* — 99).

Эта лексически прямая экспликация глагольных объектов в общем плане опять-таки соответствует большей автономности и конкретности русской фразы и почти целиком представлена существительными. Предпочтение тут прямой номинации нагляднее, когда включение объектных указаний происходило также и там, где объект был указан уже и в греческом тексте, но только местоимениями. В переводе же эти местоимения отесняются на роль определения при интерполируемом существительном, которое либо известно из предшествующего контекста, либо извлекается из общего смысла ситуации:

69. ...сипцевое некое дело умудряся смысли (*τοῖόνδε τι σοφίζεσαι* — 278);

⁵ Опускаю случаи, когда предметно-объектное интерполирование отмечало сквозные мотивы сюжета и, таким образом, носило композиционно-акцентный экспрессивный характер, что также присуще переводу Гозвинского.

97. ...и вознегодовав Зевес о глаголе сем (κατ' αὐτῆς — 108).

Тем нежелательнее были местоимения там, где они приходились на повторения сквозных решающих сюжетных мотивов. В таком случае местоименная репрезентация отменялась, даже если ее семантический источник находился в ближайшем контексте:

121. Господин же его в з е м б р е м я в с е (πάντα — 286), на коня возложи, и самого осла кожу. Слезя конь вопиаше: «Ох мне, безсчастному! И что мне случится, бедному? Не хотя убо малыя тяготы прияти, се ныне в с е б р е м я (ἅπαντα) несу и кожу!»

Однако включение в славяно-русский текст объектно-предметных обозначений характерно разнится с интерполированием объектных указаний на персонажей.

Предметные реалии как объекты приложения глагольного действия раскрывают материальное содержание процесса, и уже поэтому их выражение редко может обеспечиваться местоимениями. Отсюда интерполирование прямых (т. е. в форме существительного) обозначений предметных объектов преобладает почти безраздельно (из 34 — 30).

Иное дело с указаниями на персонажей. Прямые обозначения тут резервировались для синтаксически ключевой позиции подлежащего (и как следствие — возрастающей расчлененности изложения). Что же касается объектных указаний на персонажей, то имена существительные составляют среди них только четвертую часть (из 58 — 15), тогда как остальные 3/4 представлены местоимениями.

б) Включение обстоятельственных характеристик действия

Устранение конструктивно-речевой недостаточности пословного перевода довольно часто (38 раз) связано с пространственной приуроченностью происходящего. Главное место и тут занимают предметно-обстоятельственные характеристики действия, отмечающие те обычно уже известные из предшествующего рассказа либо ситуативно неперменные элементы, которыми прежде всего и обусловлено возникновение или решение фабульного конфликта. В подавляющей части такая локализация дается именами существительными. И всего лишь в 6 случаях (из 38) она представлена местоименными или местоименно-наречными указаниями.

Чаще всего пространственные указания появляются при сильноуправляющих глаголах с приставками пространственного же значения:

110. Осел дрова несый и преходя некое езеро, поползшеся, впаде в езеро (ὀλισθήσας δὲ ὡς κατέπεσεν — 201);

40. Секий некто дрова при реце, и спаде ему секира с топорища в реку (τὸν οἰκεῖτον ἀπέβαλε πέλεκυν — 183).

Нетрудно видеть, что сколь бы такие пояснения информативно избыточными ни казались, их включение в русский текст конструктивно неминуюемо.

Реже подобные включения синтаксически необязательны. Русская фраза вполне завершена и без них. К тому же они либо уже даны предшествующим текстом, либо ситуативно сами собой разумеются и в этом смысле опять-таки излишни. Однако их присутствие в тексте более естественно для русского слуха.

74. Земледелатель отрочищ печаше слимаков на углю (ῥππα κογ-λίас — 54). Услышав же их лускающу на огни (τρρζόντων) и рече...

18. ...сложи с себя на землю дрова (ἀπέθετό τε τὰ ξύλα — 60).

Среди лексических прибавлений переводчика нередка и обстоятельственно-временная фиксация происходящего (18 случаев). Но в отличие

от пространственных указаний временные обозначения более связаны с логической организацией рассказа. Они отмечают не собственное, «объективное» время ситуации, а лишь относительную очередность событий, и поэтому представлены одними местоименными наречиями — с местоименными либо этимологически мертвыми внутренними формами:

40. От них же паки един тако же сотворити умысли (ὡς εἰς τις τὰ ἴσα διαπράξασθα: ἐβουλεύατο — 183);

41. «...сей убо, яко же вижу, и кожу мою напоследи изработает» {...«καὶ τὸ δέρμα μου κατεργάζεται». — 190}.

4. Устранение эллиптических оборотов и лексическое восполнение фразовых стереотипов

Конструктивно-речевому приспособлению пословного перевода регулярно служило лексическое восполнение эллиптических оборотов (когда такие встречались в тексте-источнике). Оно обыкновенно связано с интерполированием глаголов в славяно-русском. Однако в силу присущей глаголам высокой повествовательной-динамической активности включение глаголов значительно чаще использовалось как материал уже композиционного, а не собственно речевого приспособления текста, тогда как интерполирование глаголов всего лишь как структурно-речевых компонентов происходило относительно не часто и почти каждый раз продиктовано определенными речевыми стереотипами.

Устранение эллиптических оборотов (как тяготение к словесной полноте книжно-славянской фразы) было неизменным в конструкциях при чужой речи, что предопределяло интерполирование глаголов там, где в греческом тексте подобный глагол в составе «слов автора» был опущен. Обычно Гозвинский здесь прибегает к внесению глагола «речи» (10) и вдвое реже «глаголати» (5):

81. Он же к ним рече: «О злейшая животная!..» (ὁ δὲ πρὸς αὐτάς· «κάκιαστα ζῶα...» — 74);

22. Имей же в недрах глаголаше: не украде (ὁ δ' ἔχων μὴ εἰληφέναι — 67) — T'.

Уже самый выбор наиболее отвлеченных глаголов речи свидетельствует, что их внесение в текст перевода не содержит экспрессивно особого заряда, но только следует повествовательной норме славяно-русской речи.

Более выразительна обычная в тексте перевода конструкция из двух *verba dicendi*: «отвещав рече». 16 раз она появляется как передача соответствующих оборотов оригинала: ὑπολαβὼν ἔφη (6 раз), ὑπολαβὼν εἶπεν (6), ὑποτιχὼν ἔφη (2) и ὑποτιχὼν εἶπε (2), всякий раз сохраняя роль встречного возражения, например:

13. От предстоящих же некто отвечава рече (ὑπολαβὼν ἔφη· — 33): «[О ты,] аще истинну се быти, глаголеши, ничто же тебе есть свидетелей: се тебе град Родийский, се и прескакание, — скочи — и увидим!»;

45. По днех же немногих пришедшу некоему к морю и тишине ея чюдящюся, отвечава же пастырь рече (ὑπολαβὼν οὗτος εἶπεν· — 223): «Фиников еще желает и сего ради являет ся тишиною»;

72. Ластовица с вороною о красоте пряхуся. Овещавши же ворона к ластовице рече (ὑποτιχούσα δὲ ἡ κορώνη πρὸς αὐτήν εἶπε· — 258): «Но убо твоя красота в весенное время просветает, мое же тело и зиму претерпевает» — T'.

Вместе с тем конструкция «отвещав рече» была приметной особенностью и древнерусских литературных текстов, утвердившись в них как некоторый фразовый стереотип под воздействием древнеславянских пере-

водит, осложнение «слов автора» вторым глаголом речи в переводе не происходит, к примеру в приводившейся уже басне «О враче и о болящем», где все четыре употребления ἐρωτάω передаются формами от «вопросити» без внесения второго глагола речи.

В списке менее регулярных форм конструктивно-речевого восполнения перевода можно отметить интерполяции семантически опустошенного глагола «сотворити», обычно в сочетании с субстантивированным «сие» (либо рядом с «сиче»), составляющих своеобразное местоименное целое. И эти включения также не лишены повествовательно-предупредительного акцента, привлекающего внимание к следующему за ним разъяснению внутренних, подчас особо коварных побуждений персонажей как источнику басенного конфликта:

15. И вопросы бога, глаголя: «Аполлоне! еже руками к тебе приношу, рцы ми, каково есть: живое ли или бездушное?» — х о т я с и ч е с о т в о р и т и (βουλόμηνος ὡς — 36): аще бог речет «бездушное», жива ⁶ воробья показать; аще [же] «живо» речет, абие удавив, мертва воробья принести. — *Т'*.

Можно бы отметить и другие глагольные включения, восполняющие недостаточность пословного перевода. Однако эти включения уже относительно немногочисленны, даже спорадичны и ситуативно окказиональны. Иное дело интенсивные включения глаголов как конструктов композиционной организации рассказа. Но такие включения уже не принадлежат лингвистическим факторам перевода.

* * *

Итак, пословная, опирающаяся на аппарат утвердившихся еллино-славянских лексических и грамматических эквивалентов передача оригинала выступает для древнерусского книжника мерилom семантической точности и полноты перевода. Однако это не исчерпывало механизма пословного перевода, не ограничивало переводчика неукоснительным структурным копированием текста-источника и не предрешало неперменной лексической и конструктивной симметрии текстов. Пословное следование оригиналу как профессиональная норма перевода обеспечивало лишь смысловой каркас переводного текста, непосредственно отражающий его иноязычный источник, хотя и это уже далеко не буквалистски механический слепок. Этим прежде всего обеспечивается тот семантический остов, опираясь на который и отправляясь от которого, переводчик обращается к повествовательно-фразовой организации своего собственного текста, ориентированного уже на речевые нормы славяно-русской письменности. Происходящие в этом плане лексические включения и подстановки чрезвычайно регулярны, даже интенсивны и в целом весьма значительны по объему. Однако сколь бы многочисленными такие интерполяции и замены ни представлялись, в них нет отступлений от смысла оригинала. Но они обязательны, чтобы перевод мог оказаться коммуникативно жизнеспособным, и вместе с тем выводят пословный перевод за рамки прямой лексической симметрии и конструктивного соответствия тексту иноязычного источника.

Изменения этого рода были столь естественны и обыкновенны в своей традиционности, что затем сами по себе не вызвали каких-либо стихийных переделок или устранения у последующих переписчиков, поновления

⁶ В ркп. живо.

которых в свой черед в общем складывались в том же направлении. Небезынтересные в сопоставительно-лингвистическом аспекте, и особенно как материал для истории профессиональной техники и норм древнерусского перевода, эти соотношения славяно-русского и греческого текстов свидетельствуют, что специфические еллино-славянские структурно-речевые барьеры не составляли секрета для средневекового переводчика. Наконец — а в данном случае главное — они убеждают в несравненно большей гибкости и сложности практики древнерусского пословного перевода, нежели то предполагается пресловутыми утверждениями о его «буквализме», якобы неизбежно игнорировавшем традиции и нормы самой книжно-славянской речевой культуры.

Но система пословного перевода не исчерпывалась созданием лингвистически отредактированных семантически эквивалентных подстрочников. Составляя технологическую основу и норму древнерусского перевода, она не противостояла более глубоким аспектам освоения иноязычного памятника и не исключала его экспрессивно-стилистической, предметно-образной, а также композиционно-повествовательной или даже идеологической адаптации. Но это уже другая и даже неожиданная сторона пословного перевода, исследование которой требует иных приемов и принципов филологической интерпретации и не может замыкаться в сфере лингвистических наблюдений.